

Мне пришлось как-то делать переводы песенных текстов. Перевод песен—дело каверзное, тут не обходимо не просто ритмическое соответствие оригиналу, но и благозвучность, верное использование гласных — словом, много такого, что создает массу больших и малых хлопот.

— Ты вот что,— сказал мне автор песен. — Обратись-ка к Камиллю Юсуфовичу, никто лучше его в этом не смыслит.

Камиль Юсуфович Рахимов принял меня так, словно я уже лет десять имел с ним дело относительно переводов. Молча и чуть суетливо (такая уж у него манера), полистал мои бумаги, тут же уселся за фортепьяно и стал несколько монотонно брэнчать на клавишах, тихонько распевая те или иные гласные.

«Педант,— решил я безапелляционно.— Педант или напускает на себя...».

А он продолжал брэнчать, не обращая на меня никакого внимания и ак-то забавно растягивая звуки под нос. При этом то так, то этак клонил свою голову с редкими пепельными волосами и острым, удивительно подвижным подбородком.

Так прошло с четверть часа.

Наконец, не глядя на меня, Рахимов сказал:

— Мне кажется, тут есть кое-какие диссонансы...

И начал перечислять, что за диссонансы он заметил. И чем дальше он перечислял, тем пунцее становилось

мое лицо.

— Мне кажется, вот здесь подошло бы не это, а, скажем, такое слово,— продолжал он, тут же произнося необычайно точно найденное слово и распевая его на все лады.

— Вы не согласны со мной? — огорченно спрашивал он. — Может быть, я ошибаюсь, конечно, я плохой текстолог.

А между тем я уже убедился совершенно, что «текстолог» он претолчный, а вот мой перевод никуда не годится, и что с ним вовсе не стоило бы являться ни к автору песен, ни к этому многоопытному музыканту...

Позднее, имея возможность наблюдать Камилля Юсуфовича, я все больше удивлялся этой его черте—абсолютной деловитости и необычайной скромности. Впрочем, о скромности его и говорить-то неудобно, настолько у него она органична и естественна, что вообще исключает какое-либо упоминание о себе. Точнее было бы сказать — застенчивость. Даже не верится, что человек, проживший большую напряженную жизнь, познавший и славу и «фунт лиха», сохранил в себе это целомудренное качество.

О себе Камилль Юсуфович говорить не умеет совершенно, да и не считает нужным распространяться на эту тему. Вот, скажем, пригласили его на встречу с молодыми любителями музыки. Пока один из его именитых коллег расхваливает Рахимова (делает это, заметим, совершенно заслуженно), Ка-

миль Юсуфович не находит себе места. Вернее, он сидит за столом президиума, конфузясь и мучительно потупив глаза, и никак не может дождаться конца речи оратора. Сам или отомолчится, или скажет несколько довольно нескладных фраз. Но вот

факт, что композитор почти половину своей жизни отдал собиранию, записи и обработке народных мелодий?

Очень рано особым чутьем почувствовал он величие и мощь народной музыки и то, что именно на ее основе по-настоящему

можно понять, как нелегко приходилось пионерам этого важного начинания, сколько такта, осторожности и в то же время смелости требовала их работа. И в этом новаторском и столь необходимом почине роль Рахимова чрезвычайно велика.

Она требует не просто огромной и скрупулезной работы и чуткого отношения к музыкальной стихии произведений, но и совершенного слуха и абсолютной грамотности собирателя. Именно отсутствием этих неперенных качеств объясняются

старшего поколения, помнящие, с каким триумфальным успехом шел спектакль по пьесе Даута Юлтыя «Карагуль», не забыли и его яркого и самобытного музыкального сопровождения. Тогда впервые прозвучали знаменитые такты «Журавлинск песни»,

Позднее появилось немало композиторов, для которых профессия театрального композитора стала настоящим призванием, а их песни, написанные специально для спектаклей, широко распространялись в народе. Среди них прежде всего следует назвать Тагира Каримова. Именно в содружестве с ним написал К. Ю. Рахимов свою танцевальную музыку для Башкирского ансамбля народного танца. Кто не знает теперь мелодий к таким знаменитым танцам, как «Три брата», «Дружба», «Семь девушек», «Бурзянская пляска»!

Рахимов всегда привлекал лирический жанр, потому в его творчестве преобладают песни, романсы, вальсы... Но он с удовольствием работает в области маршевых мелодий. Большинство из них посвящено жизни молодежи, ее дерзаниям и устремлениям. Нельзя не сказать, что композитор с особым вниманием относится к детям и уж, конечно, не обходит их интересы в своем творчестве. Ребята с удовольствием распевают «Песню юных туристов», а малыши пляшут под «Танец октября»...

Камиль Юсуфовича с полным правом можно назвать аксалом башкирской музыки. Ему исполнилось семьдесят лет. Но, разумеется, называем мы его так не столько из-за возраста, сколько за тот огромный труд, который вложил он в дело развития башкирского музыкального искусства.

Г. ШАФИКОВ.

АКСАКАЛ БАШКИРСКОЙ МУЗЫКИ

К 70-летию композитора К. Ю. РАХИМОВА

в кулуарах вдруг возникает интересный разговор о музыке, и Рахимова как подменили: бледные щеки разгораются румянцем, появляется жестикляция, стройная и энергичная речь, — и тогда стой да слушай старейшего композитора!

Одно из самых характерных качеств Камилля Юсуфовича, высоко ценимое всеми, кто близко его знает,— полная бескорыстность. Он в буквальном смысле не знает, что за штука — расчетливость. Для него существует лишь одна доминанта, которой он поклоняется, во имя которой живет и трудится,— это музыка. Ничего другого нет, да и быть не может. Разве не этим объясняется тот

развиваться профессиональное искусство.

Собиранием музыкального фольклора Рахимов стал заниматься едва ли не с самого начала своей профессиональной деятельности. В сущности, он никогда не уставал приобретать к народному творчеству. Им записаны сотни старинных мелодий.

Но запись не была для него самоцелью. Рахимов искал, экспериментировал, дерзал... Ему хотелось придать народным творениям новое полифоническое звучание, и композитор обрабатывает их для исполнения хором, ансамблем, оркестром. Если учесть, что ни хорового, ни ансамблевого исполнения раньше у башкир не было, то

Во имя пополнения кладовой народной музыки пять с лишним лет (с 1938 по 1943 год) композитор живет и работает в селе Субхангулово Бурзянского района. До сих пор с благоговением вспоминает он первозданную красоту бурзянской земли и необычайную одаренность ее народа, хранящего множество преданий и мелодий.

Фольклорной работе посвящает Рахимов немало послевоенных лет, участвуя в экспедициях и жадно исследуя песенную целину. С 1962 года по 1967-й Камилль Юсуфович положил на ноты 125 башкирских народных песен!

Несколько слов о записи фольклорных произведений.

Встречающиеся сплошь и рядом искажения в нотном переложении народных мелодий. В этом смысле К. Ю. Рахимов не просто добросовестный труженик, но и большой мастер, один из лучших наших инструменталистов. В квартире у него мне пришлось видеть произведения некоторых башкирских композиторов, которые обратились к Рахимову за помощью и советом. И ветеран подолгу терпеливо просиживает над сочинениями своих тоwarzysей с одной единственной целью: чтобы башкирская музыка развивалась успешно.

Необычайно интересен композитор в своих оригинальных произведениях. Люди

едва ли не самого удивительного создания народной фантазии. Полная драматическое лиризма мелодия как-то по-новому осеждала действие пьесы, придавая ему особую многоплановость и историческую глубину.

Оркестром руководил автор — молодой композитор Камилль Рахимов.

Это было в самом конце двадцатых годов, когда Камилль Юсуфович стал работать заведующим музыкальной частью Башкирского драматического театра. В то же время он оформил еще две пьесы — «Урняк» А. Тагирова и «Овечий источник» Лопе де Вега. В сущности, Рахимов и тут явился своего рода начинателем.